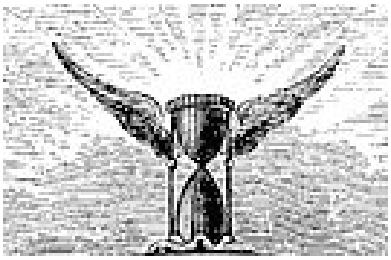
LITERARY CALENDAR

BOOKS OF THE DAY

International scholarly journal



In Russian and other languages of the world

EVENTS, ANNIVERSARIES,
RESEARCHES, PUBLICATIONS

ЛИТЕРАТУРНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

КНИГИ ДНЯ

Международный научный журнал

2010 / № 2(5)

На русском и других языках мира

СОБЫТИЯ, ЮБИЛЕИ, ИССЛЕДОВАНИЯ,
ПУБЛИКАЦИИ

Б. В. Орехов (Уфа, Россия)

МИНСКИЙ КАК ХРИСТОС: ТРАВЕСТИРОВАНИЕ ЕВАНГЕЛЬСКОГО СЮЖЕТА В «СТАНЦИОННОМ СМОТРИТЕЛЕ»

Отношение Пушкина к христианству представляет собой многоаспектную проблему, осложнённую идеологической составляющей. Если «долгое время считалось, что Пушкин был плохим христианином и соответственно плохим православным; значит, о его религиозности и толковать нечего»[i], то в постсоветскую эпоху, не в последнюю очередь, благодаря моде, Пушкин стараниями активных литературоведов превращается в истинно православного поэта, а объём посвящённой этой проблеме литературы неуклонно растёт[ii]. Разумеется, означенная тема надолго останется дискуссионной, но уже сейчас можно уверенно утверждать, что Пушкин не испытывал такого пиетета перед христианскими культурными кодами, чтобы не травестировать их в художественных целях. Подтверждением этому будет и «кощунственная» «Гавриилиада», и, например, пассаж из письма А. И. Тургеневу от 1 декабря 1823 г. в связи со стихотворением «Свободы сеятель пустынный»:

«Написал на днях подражание басни умеренного демократа И.<исуса> Х.<риста>»[iii].

Травестирование, то есть пародийное, доходящее до бурлеска, «переворачивание», выполненное с той или иной степенью комизма, является одним из ключевых свойств поэтики Пушкина. Оно неоднократно отмечалось как для многих его литературных произведений[iv], так и для графических опытов, и даже бытового поведения: «Само по себе такого рода травести не было в пушкинском обиходе чем-либо необычным. Пушкин любил проделывать это не только в графике, но и в жизненном быту. Мемуары о кишиневских, одесских, михайловских годах говорят о ряженом Пушкине не раз. Так же перерабатывал он себя и в рисунках»[v].

За «Повестями Белкина» закрепилась особенно сильная репутация пародийных текстов: «Автор определенными элементами построения своего произведения вызывает в сознании читателя ту структуру, которая в дальнейшем подлежит уничтожению. Таковы, например, “Повести Белкина” Пушкина. Таковы резкие стилистические сломы в “Евгении Онегине”. Наиболее показательным типом текста в этом отношении будет пародия»[vi]. Пушкин сам оказал влияние на формирование такой традиции восприятия, обозначив в письме П. А. Плетнёву от 9 декабря 1830 г.: «Написал я прозою 5 повестей, от которых Баратынский ржет и бьется»[vii]. Предполагается, что такая реакция была вызвана в первую очередь травестированием романтических сюжетных клише, но ими, конечно же, объекты пушкинского пародирования не ограничиваются.

Присутствие евангельской темы в «Станционном смотрителе» обсуждалось исследователями многократно. Она выражена в описании рассказывающих новозаветную историю о блудном сыне (Лк. 15:11—32) «картинок» в доме Самсона Вырина: «В повествовательной структуре

“Станционного смотрителя” картинки эти обрели чрезвычайную смысловую и композиционную значимость»[viii]. Н. Я. Берковский высказал по поводу этого элемента повествования поддерживаемую, впрочем, не всеми исследователями[ix] мысль о том, что «Пушкин восстанавливает индивидуальную историю и так ставит непререкаемость притчи под сомнение»[x]. В. Шмид подробно разбирает библейские реминисценции, которые обостряются в сознании Вырина в контексте его соперничества с Минским[xi].

Нам хотелось бы обратить внимание на другое, как кажется, ещё не отмеченное пушкинистикой обращение к евангельскому сюжету в «Станционном смотрителе».

После приезда на станцию гусар пытается уговорить Дуню отправиться с ним, но поначалу получает отказ. Тогда Минский прибегает к хитрости: притворившись больным он изобретает предлог задержаться в доме смотрителя. Дочь Вырина ухаживает за проезжим, и вскоре, поддавшись на уговоры, соглашается уехать с ним из дома. Гусар увозит Дуню под предлогом попутной кареты до церкви. Пребывание Минского на станции занимает четыре неполных дня: с вечера четверга по утро воскресенья: «Три года тому назад, однажды, в зимний вечер <…> На другой день гусару стало хуже <…> Прошел еще день, и гусар <в его течение — Б. О.> совсем оправился <…> на третье утро жаль было ему расстаться с любезным своим постояльцем. День был воскресный» [100—101][xii]. Внимательное чтение обнаруживает в этом эпизоде последовательную параллель кульминационному моменту евангельского текста, рассказывающему о казни и воскресении Христа. Такое прочтение обусловливает прежде всего специальное указание Пушкина: «на третье утро <…> День был воскресный». Как известно, очень важным для христианской традиции является представление о воскресении Иисуса Христа,

свершившемся в следующий за субботой день — в третий день после распятия: «Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть, что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был, и что воскрес в третий день, по Писанию» (1 Кор. 15:3—4). Представление о воскресении Христа на третий день вошло как в Апостольский, так и в Никео-Цареградский символ веры: «τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ ἀναστάντα ἀπὸ τῶν νεκρῶν» — «в третий день воскрес из мертвых»; «Καὶ ἀναστάντα τῇ τρίτῃ ἡμέρᾳ, κατὰ τὰς Γραφάς» — «et resurrexit tertia die, secundum Scripturas» — «И воскресшаго в третий день по Писанием». Таким образом, Минский оказывается сопоставлен с евангельским Христом: вечером четверга проезжий «заболевает», а Иисуса берут под стражу солдаты; в пятницу гусару «стало хуже» [101], а Христос испытывает крестные муки; в субботу гусар «совсем оправился» [101], этому дню в евангельских повествованиях уделено менее всего места, пауза после трагически-напряжённых событий суда и казни перед торжественным моментом воскресения; на третий день, в воскресенье, Минский покидает дом смотрителя, а Христос воскресает из мёртвых.

Такое прочтение обнаруживает ещё несколько евангельских параллелей пребыванию гусара в доме смотрителя, подтверждающих, что предпринятое сопоставление неслучайно. Во время «болезни» дочь смотрителя ухаживает за проезжим: «Дуня обвязала ему голову платком, намоченным уксусом» [101]. Этот мотив, сам по себе довольно комичный (Дуня прекрасно осведомлена о характере заболевания гусара) может быть прочитан и как пародирование издевательств римских солдат над Христом: «И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Мф. 27:29); «и, сплетши терновый венец, возложили на него» (Мар. 15:17); «и

воины, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову» (Иоан. 19:2).

Гусар «поминутно просил пить, и Дуня подносила ему кружку ею заготовленного лимонада» [101]. В примерно соответствующем этому моменту по евангельской хронологии (день пятницы) есть эпизод, в котором угадывается источник пушкинской пародии: «Дали ему пить уксуса, смешанного с желчью; и, отведав, не хотел пить» (Мф. 27:34). Стоит обратить внимание, что здесь упоминается и уксус, использованный Дуней для изготовления компресса.

Наконец, во второй половине дня пятницы мотив питья снова обнаруживает себя в двух сопоставляемых текстах: лекарь и Минский «ели с большим аппетитом, выпили бутылку вина и расстались очень довольны друг другом» [101]. «И тотчас побежал один из них, взял губку, наполнил уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить» (Мф. 27:48); «А один побежал, наполнил губку уксусом и, наложив на трость, давал Ему пить» (Мар. 15:36).

Число сопоставлений большей или меньшей степени правдоподобности можно умножить. Ужин перед «болезнью» гусара в четверг при определённой интерпретаторской смелости может быть прочитан как аналогия тайной вечери. Не описанная, так как события мы видим глазами смотрителя, который в этот момент идёт распоряжаться насчёт лошадей, но подразумеваемая сцена предложения Дуне, возможно даже с уместным для гусара в этом случае вставанием на колени, соответствует молению в Гефсиманском саду. Утром в пятницу «больной при смотрителе охал и не говорил почти ни слова» [101] аналогично молчаливому поведению Христа на так же происходившем утром пятницы допросе у Пилата: «Пилат же опять спросил Его: Ты ничего не отвечаешь? видишь, как много против Тебя обвинений. Но Иисус и на это ничего не отвечал» (Мар. 15:4—5).

Соположенность образов Христа и гусара, конечно, следует признать травестийной. Священная для христиан фигура оказывается в одном ряду с решительно не соответствующей ей по достоинствам личностью, и тем самым сюжет серьёзного и возвышенного содержания предстаёт в комическом виде. При этом евангельская параллель имеет значение только для характеристики Минского. Ни Дуня, ни смотритель, ни лекарь не обнаруживают устойчивых соответствий в новозаветном тексте.

Остаётся вопрос о сюжетной функции такого травестирования.

В своей книге о «Повестях Белкина» В. Шмид посвящает сравнительно много места эквивалентностным отношениям Самсона Вырина и гусара Минского (стр. 106—107), «эквивалентностные отношения, которые в ходе дальнейшего развития сюжета будут подвергнуты весьма забавной фальсификации»[xiii]. При этом показывается, что в попытках возвращения Дуни в деревню Вырин видит себя Христом, «ибо добрый пастырь выступает в паремии Иоанна как аллегория Иисуса, Спасителя»[xiv]. Таким образом, сопоставление Минского и Христа органично встраивается в ряд эквивалентностей Вырина и Минского, подчёркивая ложность представлений первого и истинную роль последнего.

Есть основания и для выдвижения другой гипотезы. Согласно В. Шмиду конфликт повести заключается в противоречии «между жизненными интересами кокетливой деревенской красотки, умеющей ловко обращаться с господами из высшего общества и стремящейся в большой свет, законы которого она усвоила, и добропорядочного отца, не представляющего для своей дочери другой жизни, кроме как на почтовой станции»[xv]. Дуня, тяготящаяся своим положением провинциальной красавицы и мечтающая вырваться в свет, должна

воспринимать Минского как очень удобную для себя фигуру, открывающую ей путь к столичной жизни. Функция гусара в этом случае — функция вызволителя Дуни, её *спасителя*, а комическое несоответствие высокой миссии Христа как Спасителя и предприятием Минского по умыканию содержанки как раз подчёркивается травестийным модусом введения разобранного мотива.

Эта гипотеза приводит к постановке вопроса о наличии точки зрения Дуни в нарративной структуре «Станционного смотрителя». Мы позволим себе сейчас не касаться этого вопроса специально, и лишь упомянем, что, на наш взгляд, предположить наличие такой точки зрения вполне возможно, хотя бы как одной из побочных тем, возникновение которых типично для фугообразных структур, примером которых, безусловно, является «Смотритель» благодаря своей сложной игре субъектами речи (издатель А. П. — И. П. Белкин — титулярный советник А. Г. Н. — С. Вырин).

«И речи не может быть о том, что Пушкин пародирует библейские образы, мифы и притчи, корректирует их или даже просто противопоставляет им прозаическую контрафактуру. <...> Ошибается или обманывает не Библия, а станционный смотритель, устанавливающий ложные сходства»[xvi]. По всей видимости, нечто сходное происходит и здесь. Пушкин пользуется евангельским сюжетом как литературным материалом, не ставя задачи его снижения или дискредитации, но и обходится при этом без иррационального пиетета, запрещающего подобные интертекстуальные переклички.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барбашов, С. Л. Православные традиции как духовная основа преодоления А. С. Пушкиным «трагического чувства жизни» русского романтизма //

Науч. альманах. Сер.: Религиоведение. — Орел, 2003. — Вып. 2. — С. 90—98.

2. Берковский, Н. О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма) // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. — М.; Л., 1960.

3. Вачева, А. «Гавриилиада» в контексте эволюции русской бурлескной поэмы // Университетский пушкинский сборник. — М., 1999. — С. 213—218.

4. Гаспаров, М. Л.; Смирин, В. М. «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне»: пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник. — Рига, 1986. — С. 254—264.

5. Гозун, Л.А. К проблеме «Пушкин и Ж.—Ж. Руссо» : (Руссо и пародирование истории в «Графе Нулине») // Пушкин и его современники. — СПб., 2002. — Вып. 3 (42). — С. 336—347.

6. Кулешов, В. И. А. С. Пушкин и христианство // Русская литература XIX века и христианство. — М., 1997. — С. 10—25.

7. Ленина, Л. И. Пародийные элементы в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Литературный процесс: традиции и новаторство : Межвуз. сб. науч. тр. — Архангельск, 1992. — С. 15—30.

8. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста // Лотман, Ю. М. Об искусстве. — СПб., 1998.

9. Непомнящий, В. С. Христианство Пушкина: легенды и действительность // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. — М., 1997. — 1997. — С. 75—82.

10. Нива, Ж. Пушкин: между просветительством и христианством // Континент. — М.; Париж, 1999. — N 100. — С. 345—351.

11. Панченко, А. М. Пушкин и русское православие // Рус. лит. — 1990. — № 2.

12. Петрунина, Н. Н. О повести «Станционный смотритель» // Пушкин: Исследования и материалы / АН СССР. Ин—т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — Т. 12.

13. Пушкин, А. С. Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959.

14. А. С. Пушкин: путь к Православию. — М.: Отчий дом, 1996. — 335 с. — (Сер.: Православная Церковь и рус. литература).

15. Романов, И. Н. А.С. Пушкин и православие // Культурология: новые подходы. — М.,1999. — N 5/6. — С. 204—217.

16. Храповицкий, А.Пушкин как нравственная личность и православный христианин // Моск. писатель. — М., 1999. — N 2. — С. 6—27.

17. Хубулава, Г. Г. О христианской теме в творчестве А. С. Пушкина // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. — Выпуск 4. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С.212—219.

18. Шапир, М. И. «...Хоть поздно, а вступленье есть» : («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1999. — Т. 58, N 3. — С. 31—35.

19. Шмид, В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. — С. 105—106.

20. Эфрос, А. Декабристы в рисунках Пушкина // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. — М.: Журнально—газетное объединение, 1934.

21. Юрьева, И. Ю. Пушкин и христианство: Сб. произведений А. С. Пушкина с парал. текстами из Свящ. Писания и коммент. — М.: Изд. дом «Муравей», 1998. — 278 с.

i *Панченко, А. М*. Пушкин и русское православие // Рус. лит. — 1990. — № 2. — С. 32.

ii См., например, *Храповицкий, А.*Пушкин как нравственная личность и православный христианин // Моск. писатель. — М., 1999. — N 2. — С. 6—27; *А. С. Пушкин*: путь к Православию. — М.: Отчий дом, 1996. — 335 с. — (Сер.: Православная Церковь и рус. литература); *Романов, И. Н*. А.С. Пушкин и православие // Культурология: новые подходы. — М.,1999. — N 5/6. — С. 204—217; *Барбашов, С. Л.* Православные традиции как духовная основа преодоления А.С. Пушкиным «трагического чувства жизни» русского романтизма // Науч. альманах. Сер.: Религиоведение. — Орел, 2003. — Вып. 2. — С. 90—98 *Кулешов, В. И.* А. С. Пушкин и христианство // Русская литература XIX века и христианство. — М., 1997. — С. 10—25; *Юрьева, И. Ю.* Пушкин и христианство: Сб. произведений А. С. Пушкина с парал. текстами из Свящ. Писания и коммент. — М.: Изд. дом «Муравей», 1998. — 278 с.; *Нива, Ж*. Пушкин: между просветительством и христианством // Континент. — М.; Париж, 1999. — N 100. — С. 345—351; *Непомнящий, В. С*. Христианство Пушкина: легенды и действительность // Ежегодная Богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. — М., 1997. — 1997. — С. 75—82; *Хубулава, Г. Г.* О христианской теме в творчестве А. С. Пушкина // Vita Cogitans: Альманах молодых философов. — Выпуск 4. — СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2004. — С.212—219

iii *Пушкин, А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд—во АН СССР, 1937—1959. Т. 13. Переписка, 1815—1827. — 1937. — С. 79.

iv См., например, *Гаспаров, М. Л.; Смирин, В. М.* «Евгений Онегин» и «Домик в Коломне»: пародия и самопародия у Пушкина // Тыняновский сборник. — Рига, 1986. — С. 254—264; *Ленина, Л. И*. Пародийные элементы в поэме А.С. Пушкина «Руслан и Людмила» // Литературный процесс: традиции и новаторство : Межвуз. сб. науч. тр. — Архангельск, 1992. — С. 15—30; *Гозун, Л.А*. К проблеме «Пушкин и Ж.—Ж. Руссо» : (Руссо и пародирование истории в «Графе Нулине») // Пушкин и его современники. — СПб., 2002. — Вып. 3 (42). — С. 336—347; *Шапир, М. И.* «...Хоть поздно, а вступленье есть» : («Евгений Онегин» и поэтика бурлеска) // Изв. РАН. Сер. лит. и яз. — М., 1999. — Т. 58, N 3. — С. 31—35; *Вачева, А*. «Гавриилиада» в контексте эволюции русской бурлескной поэмы // Университетский пушкинский сборник. — М., 1999. — С. 213—218

v *Эфрос, А.* Декабристы в рисунках Пушкина // [А. С. Пушкин: Исследования и материалы]. — М.: Журнально—газетное объединение, 1934. — С. 924.

vi *Лотман, Ю. М*. Структура художественного текста // *Лотман, Ю. М*. Об искусстве. — СПб., 1998. — С. 278.

vii *Пушкин, А. С.* Указ. соч. — Т. 14. Переписка, 1828—1831. — 1941. — С. 133.

viii *Петрунина, Н. Н.* О повести «Станционный смотритель» // Пушкин:

Исследования и материалы / АН СССР. Ин—т рус. лит. (Пушкин. Дом). — Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. — Т. 12. — С. 80.
ix *Там же*. — С. 91—92.
x *Берковский, Н.* О «Повестях Белкина»: (Пушкин 30-х годов и вопросы народности и реализма). // О русском реализме XIX века и вопросах народности литературы. — М.; Л., 1960 — С. 186.
xi *Шмид, В*. Проза Пушкина в поэтическом прочтении: «Повести Белкина». — СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1996. — С. 105—106.
xii Здесь и далее цитаты из «Повестей Белкина» даются по изданию *Пушкин, А. С.* Полное собрание сочинений: В 16 т. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937—1959. — Т. 8, кн. 1. Романы и повести. Путешествия. — 1948 с указанием страницы в квадратных скобках.
xiii *Шмид В.* Указ. соч. С. 105.
xiv Там же.
xv Там же. С. 98.
xvi Там же. С. 143.

Б. В. Орехов

Минский как Христос: травестирование евангельского сюжета в «Станционном смотрителе»

Статья посвящена незамеченным до сих пор связям между евангельским сюжетом и историей Минского из «Повестей Белкина». В ключевом эпизоде «Станционного смотрителя» Минский предстаёт травестированным Христом, что соотносится с другими библейскими аллюзиями в повести.
Ключевые слова:
А.С.Пушкин, «Повести Белкина», библейский сюжет, травестирование, нарративная структура

Boris Orekhov

Minsky as a Christ: travesting of a evangelic story in "The Stationmaster"

The paper is dedicated to show unnoticed relations between a evangelic story and a story of Minsky from “Belkin’s Tales”. In a key episode of “The Stationmaster” Minsky works as a travestied Christ and that is accommodates with other bible allusions in a story.
Keywords:
A.S.Pushkin, «Belkin’s Tales», an iconographic scene, travesty, narrative structure

LITERATURE

1.Barbashov, S. L. Pravoslavnye tradicii kak dukhovnaja osnova preodolenija A. S. Pushkinym «tragicheskogo chuvstva zhizni» russkogo romantizma // Nauch. al'manakh. Ser.: Religiovedenie. — Orel, 2003. — Vyp. 2. — C. 90—98.
2.Berkovskijj, N. O «Povestjakh Belkina»: (Pushkin 30-kh godov i voprosy narodnosti i realizma) // O russkom realizme XIX veka i voprosakh narodnosti literatury. — M.; L., 1960.
3.Vacheva, A. «Gavriiliada» v kontekste ehvoljucii russkojj burlesknojj poehmy // Universitetskijj pushkinskijj sbornik. — M., 1999. — S. 213—218.
4.Gasparov, M. L.; Smirin, V. M. «Evgenijj Onegin» i «Domik v Kolomne»: parodija i samoparodija u Pushkina // Tynjanovskijj sbornik. — Riga, 1986. — S. 254—264.
5.Gozun, L.A. K probleme «Pushkin i ZH.—ZH. Russo» : (Russo i parodirovanie istorii v «Grafe Nuline») // Pushkin i ego sovremenniki. — SPb., 2002. — Vyp. 3 (42). — S. 336—347.
6.Kuleshov, V. I. A. S. Pushkin i khristianstvo // Russkaja literatura XIX veka i khristianstvo. — M., 1997. — S. 10—25.
7.Lenina, L. I. Parodijjnye ehlementy v poehme A.S. Pushkina «Ruslan i Ljudmila» // Literaturnyjj process: tradicii i novatorstvo : Mezhvuz. sb. nauch. tr. — Arkhangel'sk, 1992. — S. 15—30.
8.Lotman, JU. M. Struktura khudozhestvennogo teksta // Lotman, JU. M. Ob iskusstve. — SPb., 1998.
9.Nepomnjashhijj, V. S. KHristianstvo Pushkina: legendy i dejjstvitel'nost' // Ezhegodnaja Bogoslovskaja konferencija Pravoslavnogo Svjato-Tikhonovskogo bogoslovskogo instituta. — M., 1997. — 1997. — S. 75—82.
10.Niva, ZH. Pushkin: mezhdu prosvetitel'stvom i khristianstvom // Kontinent. — M.; Parizh, 1999. — N 100. — S. 345—351.
11.Panchenko, A. M. Pushkin i russkoe pravoslavie // Rus. lit. — 1990. — № 2.
12.Petrunina, N. N. O povesti «Stancionnyjj smotritel'» // Pushkin: Issledovanija i materialy / AN SSSR. In—t rus. lit. (Pushkin. Dom). — L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1986. — T. 12.
13.Pushkin, A. S. Polnoe sobranie sochinenijj: V 16 t. — M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937—1959.

14.A. S. Pushkin: put' k Pravoslaviju. — M.: Otchijj dom, 1996. — 335 s. — (Ser.: Pravoslavnaja Cerkov' i rus. literatura).
15.Romanov, I. N. A.S. Pushkin i pravoslavie // Kul'turologija: novye podkhody. — M.,1999. — N 5/6. — C. 204—217.
16.KHrapovickijj, A.Pushkin kak nravstvennaja lichnost' i pravoslavnyjj khristianin // Mosk. pisatel'. — M., 1999. — N 2. — S. 6—27.
17.KHubulava, G. G. O khristianskojj teme v tvorchestve A. S. Pushkina // Vita Cogitans: Al'manakh molodykh filosofov. — Vypusk 4. — SPb.: Sankt-Peterburgskoe filosofskoe obshhestvo, 2004. — S.212—219.
18.SHapir, M. I. «...KHot' pozdno, a vstuplen'e est'» : («Evgenijj Onegin» i poehtika burleska) // Izv. RAN. Ser. lit. i jaz. — M., 1999. — T. 58, N 3. — S. 31—35.
19.SHmid, V. Proza Pushkina v poehticheskom prochtenii: «Povesti Belkina». — SPb.: Izd-vo S.-Peterburgskogo universiteta, 1996. — S. 105—106.
20.EHfros, A. Dekabristy v risunkakh Pushkina // [A. S. Pushkin: Issledovanija i materialy]. — M.: ZHurnal'no—gazetnoe ob''edinenie, 1934.
21.JUr'eva, I. JU. Pushkin i khristianstvo: Sb. proizvedenijj A. S. Pushkina s paral. tekstami iz Svjashh. Pisanija i komment. — M.: Izd. dom «Muravejj», 1998. — 278 s.